

Е. С. Зайцева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СРЕДЕ РИМСКОЙ СЕНАТОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ (ЭПОХА ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА I)

Статья посвящена анализу социальной мобильности в среде римской сенаторской аристократии конца III – начала IV в. Опираясь на сведения нарративных, законодательных и эпиграфических источников и применяя методы просопографии, автор анализирует возможности, которые имели римские сенаторы для своего возвышения. В среде римской аристократии можно выделить несколько подгрупп. Особенно закрытой и привилегированной являлась группа сенаторов-патрициев. Главными каналами их социальной мобильности были заключение законного брака, рождение в рамках законного брака, усыновление «новых людей» представителем патрицианского рода и, в меньшей степени, процедура императорского *adlectio*. Способы социальной мобильности других подгрупп римской сенаторской аристократии являются более вариативными, что обусловлено их деятельностью на императорской службе. Для сенаторов, не относившихся к патрициату, император выступал главным регулятором притока «новых людей» и возвышения уже имевшихся аристократов. При императорах Диоклетиане и Константине I возвышение аристократов осуществлялось ситуативно, в зависимости от государственных задач. Единственная целенаправленная реформа по повышению общей численности сенаторской аристократии Рима была проведена в период с 312 по 326 г., в результате чего численность сенаторов впервые за долгое время значительно увеличилась и составила 2 тыс. человек. Вопреки устоявшейся в историографии точке зрения, сенаторская аристократия в конце III – начале IV в. продолжала находиться в привилегированном положении по отношению к другим социальным группам. Оправившись от последствий кризиса III в., римские сенаторы сумели сплотиться и представляли собой политическую силу, с которой правителям приходилось считаться. В итоге аристократы получили реальные возможности для реализации своего политического потенциала.

Ключевые слова: Поздняя Античность; Диоклетиан; Константин I; сенаторская аристократия Рима; социальная мобильность

Благодарности

Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

Е. С. Зайцева

Цитирование: *Зайцева Е. С.* Социальная мобильность в среде римской сенаторской аристократии (эпоха Диоклетиана и Константина I) // *Античная древность и средние века.* 2022. Т. 50. С. 29–47. <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.002>

Поступила в редакцию: 23.08.2022

Принята к печати: 11.10.2022

Evgeniia S. Zaitseva

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

SOCIAL MOBILITY IN THE ENVIRONMENT OF THE ROMAN SENATORIAL ARISTOCRACY (THE AGE OF DIOCLETIAN AND CONSTANTINE I)

This article discusses the social mobility among the Roman senatorial aristocracy in the late third and early fourth centuries. According to the accounts of narrative, legislative, and epigraphic sources and applying the methods of prosopography, the author analyzes the possibilities that the Roman senators had for their rise. The Roman aristocracy can be divided into several subgroups. Particularly closed and privileged was the group of patrician senators. The main channels of their social mobility were the conclusion of legal marriage, the birth within the legal marriage, the adoption of “new persons” by a representative of the patrician family, and, to a lesser extent, the procedure of the imperial *adlectio*. The modes of social mobility of other subgroups of the Roman senatorial aristocracy were more variable due to their activities in the imperial service. For senators who were not patricians, the emperor acted as the main regulator of the influx of “new persons” and the rise of existing aristocrats. Under Emperors Diocletian and Constantine I, the promotion of aristocrats was situational, depending on state tasks. The only targeted reform to increase the total number of the senatorial aristocracy of Rome was carried out from 312 to 326; in result, the number of senators significantly increased for the first time in a long period and amounted to 2,000. In contrast to the interpretation established in historiography, in the late third and early fourth century, the senatorial aristocracy kept its privileged position in relation to other social groups. Having recovered from the consequences of the third-century crisis, the Roman senators managed to rally; they represented a political force that the rulers had to reckon with. In result, the aristocrats got real opportunities to realize their political potential.

Keywords: Late Antiquity; Diocletian; Constantine I; senatorial aristocracy of Rome; social mobility

Acknowledgements

This study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for leading academic schools of the Russian Federation, project no. NSh-1548.2022.2 *Late Byzantium: Political and Sociocultural Challenges and Responses to Them.*

For citation: Zaitseva, E. S. (2022). Sotsial'naia mobil'nost' v srede rimskoi senatorskoi aristokratii (epokha Diokletiana i Konstantina I) [Social Mobility in the Environment of the Roman Senatorial Aristocracy (The Age of Diocletian and Constantine I)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 50, 29–47. <https://doi.org/10.15826/adsv.2022.50.002>

Submitted: 23.08.2022

Accepted: 11.10.2022

В завершение своего труда Р. Тальберт резюмировал, что «события 238 г. знаменовали собой конец целой эпохи¹. Впереди лежал новый мрачный век беспрецедентных раздоров, где достойное гражданское собрание римского сената не могло иметь большого значения»². Он также заключил, что римским сенаторам давно требовалось увеличение общего числа представителей, не менявшегося со времен Августа³, императоры же из династии Северов всячески этого избегали. Вероятно, Р. Тальберт немного сгустил краски. Действительно, численность senatorской аристократии долгое время оставалась стабильной и относительно небольшой, но даже при этом в конце III в. некоторым представителям всаднического сословия вступление в римский сенат все еще казалось весьма почетным и желанным событием. К «новым людям», совершившим в этот период переход из *ordo equester* в *ordo senatorius* следует, к примеру, отнести Афрания Ганнибалиана⁴, Тита Клавдия Аврелия Аристула⁵, Юлия Асклепиодота⁶, Помпония Январия⁷. Всадников привлекал общественный авторитет senatorской аристократии, а также обширная сеть социальных связей по всей империи, благодаря которым, при всей своей малочисленности, сенаторы имели огромное

¹ Р. Тальберт имеет в виду начало так называемого «кризиса III века».

² Talbert R. J. A. The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984. P. 491.

³ Со времен Августа численность сената оставалась на уровне примерно в 600 представителей. Только в IV в. было проведено обширное пополнение сената «новыми людьми», в результате чего его численность оказалась на уровне 2 тыс. человек. См.: Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Stuttgart, 2011. S. 687.

⁴ Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. I: AD 260–395. P. 407–408 (далее – PLRE I): Afranius Hannibalianus 3.

⁵ PLRE I. P. 106: T. Claudius Aurelius Aristobulus.

⁶ PLRE I. P. 115–116: Iulius Asclepiodotus 3.

⁷ PLRE I. P. 452–453: Pomponius Ianuarius 2.

влияние. Таким образом, долго господствовавшее в историографии мнение о том, что в период «кризиса III века» сенаторская аристократия полностью уступила свои лидирующие позиции возвысившемуся *ordo equester*, в настоящее время не столь категорично. Исследователи скорее склонны говорить о преемственности, которую сенаторская аристократия сумела гарантировать себе в условиях кризиса⁸. Более того, примеры всадников, вошедших в сенаторское сословие, показывают, что аристократия сумела не только сохраниться, но и отчасти пополниться новыми силами. Какие именно каналы социальной мобильности открывали для «новых людей» путь в сенаторскую аристократию в конце III – начале IV в., а также оказывали ли влияние на этот процесс императоры, будет рассмотрено в рамках настоящей работы.

Исследование ограничено периодом с начала правления императора Диоклетиана (284–305) до конца правления императора Константина I (306–337). Верхняя граница исследования обусловлена тем, что император Констанций II (337–361) провел всестороннюю реформу сенаторского сословия с целью разграничить римских и константинопольских сенаторов по географическому принципу (закон от 12 августа 357 г.; CTh. VI.IV.11), а также унифицировать и объединить сенаторские и всаднические должности, создав общую систему рангов для двух социальных групп⁹. Таким образом, с середины IV в. из достаточно четко выстроенного механизма получения сенаторских титулов (*vir clarissimus*, *vir spectabilis*, *vir illustris*)¹⁰ и возвышения «новых людей» был практически исключен элемент случайности. Однако в конце III – начале IV в. императоры, занятые в первую очередь укреплением границ, борьбой с внешними и внутренними противниками, а также стабилизацией экономической системы, практически не уделяли внимания вопросу создания строгого механизма назначений на государственные должности.

⁸ Соответствующую историографию см.: *Mennen I. Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden ; Boston, 2011. P. 49–50.

⁹ Общий обзор этой реформы и ее причины см.: *The Cambridge Ancient History* / ed. by A. Cameron, P. Gansley. Cambridge, 2008. Vol. 13. P. 187–188.

¹⁰ Существовали и другие группы в рамках сенаторской аристократии, в частности *patricii* и *nobilis*. Подробнее о них см.: *Barnes T. D. Who Were the Nobility of the Roman Empire?* // *Phoenix*. 1974. Vol. 28. No. 4. P. 444–449; *Barnes T. D. «Patricii» under Valentinian III* // *Phoenix*. 1975. Vol. 29. No. 2. P. 155–170.

Социальная мобильность в среде римской senatorской аристократии

Большинство выдвинутых имели скорее ситуативный характер, и потому их необходимо осмыслить и систематизировать¹¹.

Исследователи выделяют несколько каналов социальной мобильности, воспользовавшись которыми «новые люди» в III в. имели возможность попасть в состав senatorской аристократии. Обычно набор осуществлялся через квестуру, в результате чего 20 человек в год, избранных в качестве квесторов, могли войти в состав senatorской аристократии, а также посредством кооптации императорами (так называемый механизм *adlectio*)¹². В случае с *adlectio inter consulares* «новый человек» сразу попадал в круг senatorской элиты.

Однако неоднородность senatorской аристократии конца III – первой трети IV в.¹³ означает, что для каждой из ее катего-

¹¹ При изучении каналов мобильности римской senatorской аристократии во второй половине III – начале IV в. исследователи нередко обходятся констатацией факта, что Диоклетиан полностью отстранил senatorов от власти, а «со времени правления Константина senatorы снова обрели власть» (с перечислением соответствующих должностей), см., например: *Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 155–168.*

¹² *Mennen I. Power and Status in the Roman Empire... P. 50–54.*

¹³ Деление senatorской аристократии только на родовитую знать и «новых людей» (в соответствии с давностью принадлежности к senatorской аристократии) не дает возможности выявить все грани различий между представителями социальной группы, см.: *Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy... P. 8–19* (для IV в.). Более плодотворным является разделение senatorской аристократии на три достаточно обширные подгруппы, в соответствии с происхождением и должностями, которые senatorы могли занимать: патриции; senatorы, не входившие в патрициат, но занимавшие консулат и консульские должности; senatorы, не входившие в патрициат и не занимавшие консулат и консульских должностей. Подробно об этом делении см.: *Hächler N. Kontinuität und Wandel des Senatorenstandes im Zeitalter der Soldatenkaiser. Prosopographische Untersuchungen zu Zusammensetzung, Funktion und Bedeutung des amplissimus ordo zwischen 235–284 n. Chr. Leiden; Boston, 2019. S. 22–28* (для 235–284 гг.); *Duncan-Jones R. Power and Privilege in Roman Society. Cambridge, 2016. P. 3–7* (для 193–285 гг.); *Mennen I. Power and Status in the Roman Empire... P. 49–54* (для 193–284 гг.). Для более позднего периода исследователи выделяют иные категории внутри senatorской аристократии Рима, самой привилегированной из которых является *nobilitas*, см.: *Barnish S. J. B. Transformation and Survival in the Western Senatorial Aristocracy, c. A.D. 400–700 // Papers of the British School at Rome. 1988. Vol. 56. P. 120–130*; *Shlinkert D. Ordo Senatorius und Nobilitas: die Konstitution des Senatsadels in der Spätantike; Mit einem Appendix über den Praepositus Sacri Cubiculi, den ‘Allmächtigen’ Eunuchen am Kaiserlichen Hof. Stuttgart, 1996. S. 42–54.*

рий – сенаторов-патрициев; сенаторов, не входивших в патрициат, но имевших консульский *cursus honorum*¹⁴; сенаторов, не входивших в патрициат и не имевших консульского *cursus honorum*¹⁵ – стоит установить особые каналы социальной мобильности. Высший слой сенаторской аристократии, так называемое «сенаторское ядро», или патрициат, являлся закрытой группой, менее других подверженной притоку «новых людей». Однако несколько путей для попадания в патрициат все же можно установить. К таковым относились: заключение законного брака, рождение в рамках законного брака (*matrimonium iustum*) внутри патрицианского рода, усыновление *hominis novi* представителем патрицианского рода, а также процедура императорского *adlectio inter patricios*¹⁶.

Рассматривая подробнее названные механизмы вхождения в патрициат, следует сделать несколько замечаний. Получение сенаторского ранга от отца-сенатора, или, выражаясь языком Кодекса, «благодаря счастливому рождению» (CTh. VI. II. 13), является естественным и самым «массовым» способом пополнения и воспроизводства сенаторов-патрициев. Он действовал на протяжении длительного времени, так что даже оказался включен в Дигесты: «Если же кто имеет и отца и деда сенаторов, то он считается находящимся на положении сына и внука сенатора» (Dig. I. IX. 7. 2). Указанная норма сохраняла за детьми сенатора звание даже в том случае, если отец по какой-то причине его утрачивал (Dig. I. IX. 7. 1). Самое важное условие заключалось в том, чтобы ребенок родился от отца с действительным рангом *vir clarissimus* или выше.

Однако названный механизм действительно эффективно могли использовать лишь представители самого патрициата, но не иных подгрупп внутри сенаторской аристократии. Рождение в рамках законного брака почти не способствовало притоку действительно «новых людей» в высший слой из-за законода-

¹⁴ Эта категория носит еще одно название – сенаторская элита, см.: *Mennen I. Power and Status in the Roman Empire...* P. 50.

¹⁵ И. Меннен называет эту категорию «сенат», понимая под ней «всех активных членов сената в Риме». Она также выделяет и четвертую группу – *ordo senatorius*, в которую включает каждого, кто принадлежал к сенаторскому сословию, см.: *Mennen I. Power and Status in the Roman Empire...* P. 50–51.

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Hächler N. Kontinuität und Wandel des Senatorenstandes...* S. 22.

Социальная мобильность в среде римской senatorской аристократии тельных ограничений, а также высокомерности представителей элиты, проявляемой по отношению к иным социальным группам¹⁷. Что касается законодательства, то постановление от 1 марта 371 г., регулировавшее приток новых людей в сенат, имеет важную оговорку: если дети рождались до того, как отец достиг *dignitas senatoria*, они не получали статуса *vir clarissimus*, а оставались декурионами и сохраняли прежнее социальное положение отца (CTh. XII.I.74). Хотя постановление напрямую затрагивает только механизм перехода «новых людей» из декурионов в состав senatorской аристократии, оно, вероятно, может быть экстраполировано и на социальную мобильность в рамках самой римской элиты. Если принять это допущение, скорее всего, чиновник или императорский служащий, сумевший дослужиться до senatorского звания, а также senator, претендовавший на повышение, например, в патрициат, прошел до этого длительный *cursus honorum*, «исполнив все служебные обязанности» и получив, наконец, возможность устроить преторские игры. Он мог удостоиться повышения лишь во второй половине жизни. Следовательно, с большой долей вероятности после получения senatorского звания *hominus novus* уже не имел возможности оставить наследника и передать ему свое звание. Таким образом, в большинстве случаев бывшие куриалы не могли создать senatorские династии, так же как и «новые патриции» – патрицианские. Примечательно, что в отношении усыновления в семью патрициев такого ограничения о наследовании senatorского звания не встречается: «Неважно также, приобретет ли он (senator. – E. 3.) его (приемного сына. – E. 3.), уже удостоившись senatorского звания или еще до получения senatorского звания» (Dig. I.IX.5)¹⁸.

Следует сказать еще несколько слов относительно пополнения патрициата по постановлению императора. Представители римского патрициата в конце III – первой трети IV в. главным образом занимали должности в Риме и отдельных областях Италии и редко оказывались на императорской службе, так что

¹⁷ Об этом см.: Браун П. Поздняя античность // История частной жизни / под ред. П. Вейна. М., 2017. Т. 1. С. 269–336.

¹⁸ По поводу усыновления всадника патрицианской семьей см. пример Л. Элия Гельвия Дионисия и его отца: PLRE I. P. 260; L. Aelius Helvius Dionysius 12; Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy... P. 40–42.

император почти не имел возможности оказать влияние на расширение или сужение этой высшей социальной подгруппы внутри аристократии. Единственным регулятивным механизмом, который мог быть использован правителем, выступала процедура *adlectio inter patricios*. Однако ее значение нельзя переоценивать, поскольку за период с 271 по 300 г. эпиграфические источники дают только один пример использования императором процедуры *adlectio*, в случае с консулом, от имени которого сохранилось только окончание «[-]anus» (CIL. VIII.11338)¹⁹.

Всего же к патрициям в период с 235 по 284 г. можно отнести 93 сенаторов²⁰. Многие из них оставались политически активными при императорах Диоклетиане и Константине. Так, среди самых известных представителей патрицианских родов можно назвать Гая Анния Ануллину, Луция Цезония Овиния Манлия Руфиниана Басса, Цейония Руфия Волузиана, Цейония Вара, Кассия Диона, Марка Юния Цезония Никомаха Аниция Фауста Паулина, Юния Тиберiana, Нуммия Туска и Рагония Квинтиана²¹. Таким образом, имеющиеся в конце III – начале IV в. каналы социальной мобильности, используемые патрициями для сохранения политических позиций, вполне справлялись со своими задачами.

Способы возвышения других подгрупп внутри сенаторской аристократии – сенаторов, не входивших в патрициат, но имевших консульский *cursus honorum*, и сенаторов, не входивших в патрициат и не имевших консульского *cursus honorum*, – более вариативны, в первую очередь, за счет обширной деятельности их представителей на императорской службе. Для этих категорий именно император выступал главным регулятором притока «новых людей».

Возвращаясь к тезису о том, что тетрархи, и, в первую очередь, признанный глава коллегии император Диоклетиан, практически не уделяли внимания вопросу создания строгого механизма назначений на государственные должности, и большин-

¹⁹ Для более раннего времени можно привести еще несколько примеров этой процедуры: Луций Цезоний Луцилл Макр Руфиниан был избран *in familiam patriciam* примерно в середине III в. (CIL. XIV.3902); для начала III в. см. CIL. IX.6521.

²⁰ См. Hächler N. *Kontinuität und Wandel des Senatorenstandes...* S. 22.

²¹ Более подробную информацию об их жизни и карьерном пути см.: *Mennen I. Power and Status in the Roman Empire...* P. 83–134. Там же даны сведения о других патрицианских родах рубежа III–IV вв.

Социальная мобильность в среде римской сенаторской аристократии
ство выдвиганий «новых людей» в 284–305 гг. имели скорее
ситуативный характер, следует сделать несколько уточнений.

Вопреки устоявшейся в историографии точке зрения²², несколько древних авторов описывают правление Диоклетиана и других тетрархов как вполне благоприятное для сената. Так, по замечанию историка Флавия Вописка, «четверо государей²³ всего мира – храбрые, мудрые, милостивые, очень благородные, одинаково мыслившие о государстве, относившиеся с чрезвычайным почтением к римскому сенату, умеренные, друзья народа, совершенно безупречные, почтенные, набожные, – такие государи, каких мы всегда себе просили» (SHA. 30.18). Аврелий Виктор дополняет приведенные слова заключением, что несмотря на стремление Диоклетиана к установлению абсолютной власти, во внутренней политике он оказался вынужден учитывать интересы сенаторской аристократии, и, в первую очередь, патрициев: «Поэтому меня удивляет, что большинство людей обвиняют в его (Диоклетиана. – Е. З.) гордыне патрициев, которые, помня о своем патрицианском происхождении, назначают определенную цену, чтобы компенсировать те неприятности, которыми они обременены» (Aur. Vict. De Caes. 39.7). Вероятно, под «неприятностями» у Аврелия Виктора следует понимать вовсе не тот факт, что в середине III в. военные должности оказались в руках всаднического сословия и в этом отношении аристократия отчасти утратила политическое влияние и престиж²⁴. Скорее аристократам досаждала утрата Римом статуса столицы империи, а также то, что начиная уже со времени правления императоров Кара, Карина и Нумериана (282–285) императоры лишь изредка посещали *Urbem Aeternam*, предпочитая в качестве места дислокации Лугдун, Медиолан, Эмесу, Сисцию, Антиохию или Сирмий²⁵. Сам Диоклетиан бывал в Риме лишь однажды, в ноябре 303 г. (Lact. De Mort. Pers. XVII.1). Сетования римских сенаторов по поводу отсутствия императоров

²² См., например: *Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy...* P. 39–48.

²³ Тетрархи Диоклетиан, Максимиан Геркулий, Галерий и Констанций Хлор.

²⁴ Реформа Галлиена 260 г. затронула патрициев в меньшей степени, чем сенаторов, не относившихся к патрициату и не занимавших консульские должности. Подробнее см.: *Hächler N. Kontinuität und Wandel des Senatorenstandes...* P. 210.

²⁵ *Ibid.* P. 216–217.

неоднократно приводят галльские панегиристы. Правители, по их мнению, не оказывали даже формальные почести римскому сенату, отказываясь от посещения Города, а также не проводили в Риме свои триумфы, так что квириты уже позабыли, «почему это священное по причине проводившихся там собраний место называется Рострами» (Pan. Lat. XI.XIX.5).

Указанная же Аврелием Виктором «плата сенаторам за неприятности» заключалась в следующем. Во-первых, далее сам историк замечает, что, кроме Апра, убитого Диоклетианом в отместку за смерть Нумериана (283–284), более никто не пострадал, «остальным дано было прощение, и почти все его (Диоклетиана. – Е. 3.) враги были оставлены на своих должностях, в том числе выдающийся муж Аристокбул, префект претория. Это обстоятельство было, насколько люди помнят, новым и неожиданным, ибо в гражданской войне ни у кого не было отнято ни имущества, ни славы, ни достоинства» (Aur. Vict. De Caes. 39.15–17). Из приведенного отрывка следует, что большинство аристократов с приходом к власти Диоклетиана сумели сохранить свои высокие должности. Более того, Диоклетиан, вероятно, принял ряд законодательных мер для нормализации жизни в империи после длительной череды гражданских смут: «С наименьшей заботой была урегулирована справедливейшими законами и гражданская служба <...>. Наряду с этим, много внимания и забот было уделено снабжению столицы продовольствием и благосостоянию плательщиков податей²⁶» (Aur. Vict. De Caes. 39.44–45). Также, в качестве уступки римской аристократии, Диоклетиан открыл некоторым из ее представителей доступ во властные структуры. Правда, скорее всего, принцип, которым руководствовался правитель при выборе, заключался не в родovitости того или иного представителя аристократии, а в личных управленческих и политических талантах человека: «Повышению нравственности содействовало продвижение вперед людей честных»²⁷ (Aur. Vict. De Caes. 39.44–45).

²⁶ Под «плательщиками податей», на наш взгляд, должны пониматься в первую очередь сенаторы.

²⁷ По мнению Г. Альфельди, Диоклетиан, как некогда и Галлиен, осуществлял возвышения всадников «вне первого сословия», т. е., иными словами, без привязки к сенаторской аристократии, вне сенаторских рангов, см.: *Alföldy G. Römische Sozialgeschichte*. S. 284–285. Сведения Аврелия Виктора говорят об ином.

Социальная мобильность в среде римской senatorской аристократии

Лактанций в свойственной ему бранной манере по отношению ко всем гонителям христиан также бросает несколько слов о доступных для senatorской аристократии каналах социальной мобильности при Диоклетиане. Согласно христианскому автору, этот правитель произвел разукрупнение провинций, вследствие чего произошло непомерное разрастание бюрократии, игнорировавшей необходимость ведения гражданских дел и предпочитавшей только осуществление судопроизводства. Уменьшенные провинции наполнило «множество наместников (*praesides*) и чиновников (*officia*)», равно как и «множество казначеев (*rationales*), магистратов (*magistri*) и викариев префектур (*vicarii praefectorum*)» (Lact. De Mort. Pers. VII.4). Как установил М. Арнхейм, вновь созданные провинции, а также старые, располагавшиеся вне пределов Италии и Ахайи, находились под властью наместников в ранге президов²⁸. Для нас особенно интересна Сирия, поскольку все три ее правителя-президы времен тетрархии являлись сенаторами – Луций Элий Гельвий Дионисий²⁹, Латиний Примос³⁰ и Локрий Верин³¹. М. Арнхейм приводит и несколько других диоклетиановских президов, которых предположительно можно отнести к непатрицианской части senatorского сословия³². Сенаторы также занимали должности наместников в ранге корректоров в италийских провинциях и Ахайе³³, викарии же, напротив, в подавляющем большинстве не имели senatorского происхождения. Таким образом, административная реформа Диоклетиана отчасти сыграла на руку представителям римской аристократической элиты, создав еще один канал социальной мобильности.

Другой гонитель христиан Максимин II Даза осуществлял несколько сходную внутреннюю политику, опираясь на часть муниципальной аристократии. Будучи последователями традиционной языческой религии, знатные провинциалы пользовались Максимином в качестве оплота для борьбы

²⁸ Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy... P. 39–40.

²⁹ PLRE I. P. 260: L. Aelius Helvius Dionysius 12.

³⁰ PLRE I. P. 725: Latinius Primosus.

³¹ PLRE I. P. 950–951: Verinus 1.

³² Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy... P. 43.

³³ Ibid. P. 44–45.

с новой христианской верой: «Максимин назначил, по новому предписанию, великих жрецов из знатнейших граждан (*ex primoribus*), по одному в каждом городе, чтобы они ежедневно совершали жертвоприношения всем богам <...>. И недостаточно было этого, он возвысил в провинциях, кроме всего прочего, некоторых чиновников из более достойных, по благородству своему (*ex altiore dignitatis gradu*), людей, словно жрецов, и приказал, чтобы каждый из них был облачен в белые хламиды, чем бы выделялся среди прочих» (Lact. De Mort. Pers. XXXVI. 4–5). Благодаря созданию Максимином новых должностей часть муниципальной аристократии также приобрела возможность со временем попасть в состав сенаторской аристократии Рима.

Таким образом, в период с 284 по 305 г., в первую очередь стараниями Диоклетиана, римская сенаторская аристократия получила вполне ощутимые возможности для реализации своего политического и управленческого потенциала благодаря множеству социальных лифтов, открытых этим правителем³⁴. Возможно, во многом назначения были ситуативными, их точно нельзя обозначить как осмысленную, единовременную и целенаправленную реформу, но, тем не менее, с их помощью чиновники и государственные служащие получали новые возможности войти в состав сенаторской аристократии, однако, конечно, не в состав патрициата³⁵, а сами аристократы – сохранить свои высокие позиции.

³⁴ С другой стороны, некоторые повышения Диоклетиан осуществлял «вне сенаторских рангов». См. об этом: *Alföldy G. Römische Sozialgeschichte...* P. 285. Также поступал и Максимиан Геркулий: «Ты, император, действительно считаешь, что жить в согласии столь выгодно, что людей, занимающих при тебе важнейшие должности, привязал к себе также узами родства и тесной дружбы, вследствие чего они повинуются тебе, как ты полагаешь, не из страха, но благодаря искренней любви» (Lat. Pan. X.XI.4). И. Ю. Шабага предположила, что под теми, кого Геркулий «привязал к себе узами родства и тесной дружбы», в частности, нужно понимать Афрания Ганнибалиана, префекта претория Максимиана в 286–292 гг., см.: Латинские панегирики / вступ. ст., пер. и коммент. И. Ю. Шабаги. М., 2016. С. 496–497.

³⁵ Среди тех сенаторов, которые не входили в патрициат, но занимали высокие государственные должности при Диоклетиане, можно также назвать проконсула Азии и префекта Рима 298–299 гг. Луция Артория Пия Максима (CIL. III.14195), ординарного консула 301 г. и префекта Рима 305/306 г. Тита Флавония Постумия Тициана (CIL. VI.1418).

Социальная мобильность в среде римской senatorской аристократии

Наиболее значимая для senatorской аристократии административная реформа имела место в период правления Константина I. По сообщению галльского панегириста Евмения, «(Константин I. – E. 3.) ввел в курию лучших людей провинций, чтобы еще больше возвеличить сенат не на словах, а на деле, наполнив его цветом вселенной» (Pan. Lat. IV.XXXV.2). В отрывке речь идет о пополнении римского сената представителями муниципальной аристократии. Ряд других источников подтверждает расширение Константином senatorского сословия за счет людей, некогда поддержавших узурпатора Максенция. Так, Аврелий Виктор сообщает, что «Константин всем врагам своим оставлял почет и имущество и принимал их (в число друзей. – E. 3.)» (Aur. Vict. De Caes. 41.3). Отчасти дополняет эти сведения и Зосим, по мнению которого, после поражения Максенция в сражении 28 октября 312 г. «Константин наказал лишь нескольких ближайших сподвижников Максенция, но распустил преторианскую гвардию и разрушил крепости, в которых она располагалась» (Zos. II.17.2). Эпиграфические источники полностью подтверждают сказанное. В этом отношении показательна судьба Цейония Руфия Волузиана, принадлежавшего к одному из патрицианских родов³⁶. Его карьера продолжалась в течение почти 40 лет – с 280-х гг., когда он был назначен консулом-суффектом, до середины 310-х гг. (CIL. VI.1140). При Максенции Волузиан исполнял обязанности проконсула в провинции Африка (впоследствии во время мятежа Домиция Александра Максенций поручил Волузиану в качестве одного из военачальников восстановить контроль над провинцией, с чем Волузиан успешно справился), префекта претория, префекта Рима, а также ординарного консула. После поражения и гибели Максенция в 312 г. Волузиан сумел войти в число счастливицев и остаться у кормила власти, более того получил титул *comes domini nostri Constantini Invicti et Perpetui semper Augusti* (CIL. VI.1707). Вскоре Волузиан был повторно назначен префектом Рима, теперь уже Константином I, а в 314 г. вместе с Петронием Аннианом, еще одним патрицием, удостоился чести второго ординарного консулата (CIL. VI.1708). Таким образом, Волузиан, безусловно являясь

³⁶ PLRE I. P. 977–978: C. Ceionius Rufius Volusianus 4.

«одним из ближайших сподвижников» Максенция, не пострадал от гнева Константина I. Вероятно, Константин был вынужден таким образом привлекать на свою сторону родовитую и богатую западную аристократию.

Более подробное сообщение о целенаправленном массовом пополнении рядов senatorской аристократии императором Константином мы находим у Евсевия Кесарийского: «С одной стороны, он (Константин. – *Е. 3.*) проявлял всеобщую отцовскую заботу обо всех, а с другой стороны, каждого из известных ему людей удостоил особыми званиями <...>. Одни получили в изобилии деньги, другие – добро; одни получили должности префектов, другие – senatorские ранги, третьи – должности консулов; очень многие были назначены наместниками; одни были назначены комитами первого ранга, другие – второго, третьи – третьего. Точно так же многие тысячи других разделили почести как *clarissimi*, так и множества других титулов; ибо, чтобы почтить больше людей, император придумал различные знаки отличия» (Eus. V. Const. IV.1–2). Исследователи трактуют этот отрывок Евсевия как указание на реформу, согласно которой между 312 г. и 326 г. правитель возвел высокопоставленных всадников в senatorские ранги и в то же время преобразовал высшие всаднические должности в senatorские³⁷. Однако если рассмотреть этот отрывок в совокупности со сведениями Зосима, Аврелия Виктора и панегириков, приведенными выше, то, вероятно, здесь также идет речь в первую очередь о возвышении провинциалов до senatorских рангов, а также самих senatorов, не входивших в патрициат и не имевших консульского *cursus honorum*, до консульских должностей, и лишь во вторую очередь – о возвышении всадников.

Константин иногда прибегал и к ситуативным возвышениям. Известно, что этот правитель активно назначал отдельных senatorов на высокие должности. Так, автор одного из панегириков с благодарностью упоминает, что ему выпала возможность воспитать многих юношей, «подготовив к роли защитников в судебных процессах и к исполнению обязанностей в императорском дворце. Ибо от меня (панегириста. – *Е. 3.*) текут многие неизвестные ручейки, многие мои ученики даже управляют твоими

³⁷ См. об этом: *Hächler N.* Kontinuität und Wandel des Senatorenstandes... S. 227; *Alföldy G.* Römische Sozialgeschichte... S. 285–286.

Социальная мобильность в среде римской сенаторской аристократии провинциями» (Pan. Lat. VI.XXIII.2). При Константине аристократы также периодически входили в императорский совет, получали назначения комитами (Pan. Lat. XII.XI.4).

Таким образом, целенаправленно или нет, но между 312 г. и 326 г. число римских сенаторов значительно увеличилось. В то время, как в конце III в. их было немногим более 600, так же как и во времена Августа, теперь их число возросло как минимум втрое, т. е. примерно до 2 тыс. человек³⁸.

Пожалуй, отдельно стоит остановиться на принципах назначения на государственные должности, которыми руководствовался узурпатор Максенций, находившийся как незаконный правитель в достаточно непрестом положении, однако сумевший привлечь ряд аристократов на свою сторону. Взамен своего признания он даровал сенаторам возможность занимать привычные должности в Риме.

Во время противостояния с Галерием и Севером «Максенций подкупил большую часть его войск (Цезаря Севера. – E. 3.) взятками, склонив на свою сторону даже преторианского префекта Ануллина³⁹, и таким образом легко победил его» (Zos. II.10). Для участия в экспедиции в Африку в 311 г. против восставшего там Домиция Александра, из-за чего снабжение Рима хлебом было нарушено, Максенций поставил другого патриция Руфия Волузиана⁴⁰ во главе войска: «Итак, собрав войска и назначив их

³⁸ См. *Alföldy G. Römische Sozialgeschichte...* S. 687. Часть исследователей полагает, что численности в 2 тыс. человек римский сенат смог достичь только во второй половине IV в. при императоре Валентиниане I, см.: *Alföldy A. A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. The Clash between Senate and Valentinian I.* Oxford, 1952. P. 58–59.

³⁹ Анний Ануллин – консул 295 г., проконсул Африки в 303–304 гг., префект Рима в 306–307 гг. и в октябре-ноябре 312 г. Скорее всего, упоминание Зосима о том, что Ануллин занимал должность префекта претория, ошибочно. Таким образом, Ануллин являлся патрицием и занимал высокие должности при Диоклетиане, Максенции и Константине I. См.: *Hächler N. Kontinuität und Wandel des Senatorenstandes...* S. 210; PLRE I. P. 79; C. Annius Anullinus 3.

⁴⁰ Гай Цейоний Руфий Волузиан являлся высокопоставленным должностным лицом при Максенции и Константине. Он занимал должности корректора Италии 281/3–289/91 гг., консула-суффекта ок. 280 г., проконсула Африки ок. 305/6 гг., префекта Рима 310–311 гг., консула 311 г., префекта Рима во второй раз в 313–315 гг., ординарного консула 314 г. О его карьере подробнее см. выше. Об участии Руфия Волузиана в этой военной компании в качестве военачальника сообщает и Аврелий Виктор, см.: *Aur. Vict. De Caes.* 40.18.

командующим Руфия Волузиана, преторианского префекта, он отправил их туда (в Африку. – Е. 3.). <...> Когда война закончилась, у доносчиков появилось достаточно возможностей для обвинений почти всех в Африке, кто был знатен или богат <...> Ни к одному из них не было проявлено милосердия: некоторые были преданы смерти, другие потеряли все свое имущество» (Zos. II.14.2–4). Зосим также сообщает, что Максенций 25 июля 306 г. был возведен на императорский трон «после обещания больших наград тем, кто его поддержал. Они начали с того, что убили Абеллия, викария городского префекта, решившего воспрепятствовать их затее» (Zos. II.9.3).

Тех, кто не решился прийти к соглашению с узурпатором, вероятно, ждала незавидная участь. По сообщениям авторов панегириков, «за ним (Максенцием. – Е. 3.) следовали кары за разграбленные храмы, за убитых сенаторов и умерший от голода римский плебс»⁴¹ (Pan. Lat. XII.IV.3.). По имени не известно ни одного убитого Максенцием сенатора, однако он действительно проводил жесткую политику в отношении римских аристократов, вынуждая последних делать значительные пожертвования (*munerum specie*) в виде золота в государственную казну (Aug. Vict. Caes. 40.24). Кроме того, Максенций практиковал тюремное заключение и ссылки аристократов (Pan. Lat. X.31.1; Eutr. X.4.3).

Вероятно, названные меры, независимо от того, вынужденно или целенаправленно они были осуществлены императорами, способствовали сохранению большей части представителей сенаторской аристократии Рима вплоть до самой всеобъемлющей реформы Констанция II в 357 г. С другой стороны, некоторые императорские действия приводили и к уменьшению численности римских сенаторов. Так, Лактанций, ненавидевший Геркулия за его особенно ревностную антихристианскую политику, почти демонизировал последнего, говоря об особенностях его линии поведения по отношению к аристократам. «Когда же появлялась нужда в деньгах, на то были богатейшие сенаторы, которые на основании доносов объявлялись покушавшимися на власть, так что цвет сената

⁴¹ Об этом же сообщается в Кодексе Феодосия, см.: СTh. X.10.2, XVI.2.1,7.

Социальная мобильность в среде римской senatorской аристократии

подвергался постоянным конфискациям. Кровожадная казна пополнялась способами отвратительнейшими» (Lact. De Mort. Pers. VIII. 4). О политике Галерия по отношению к senatorской аристократии мы узнаем также из сочинения Лактанция. Для участника второй тетрархии первой задачей после прихода к власти (в 307 г. – *E. 3.*), по мысли Лактанция, являлось истребить римский народ и разогнать сенат (Lact. De Mort. Pers. XXVII. 2), т. е. установить деспотию: «Так как он не мог установить их открыто (обычаи персов. – *E. 3.*), то поступал так, что сам лично отнимал у людей свободу. Первых граждан он лишал почестей» (Lact. De Mort. Pers. XXI. 3). Согласно еще одному отрывку Лактанция, «угасло красноречие, возвысились делопроизводители, сосланы были или убиты правоведы. Литература оказалась в числе пагубных искусств, и кто ее изучал, были изгнаны, подобно чужеземцам, и прокляты как враги» (Lact. De Mort. Pers. XXII. 4).

Таким образом, вопреки устоявшейся в историографии точке зрения, senatorская аристократия в конце III – начале IV в. находилась в довольно привилегированном положении по отношению к другим социальным группам. Быстро оправившись от последствий кризиса III в., римские сенаторы сумели сплотиться и представляли собой политическую силу, с которой даже таким правителям, как Диоклетиан, приходилось считаться. Успешно используя такие традиционные каналы социальной мобильности, как заключение законного брака, рождение в рамках законного брака, усыновление *hominis novi* представителем senatorского рода, процедуру императорского *adlectio*, а также ситуативно предлагаемые некоторыми правителями (главным образом, Диоклетианом и Константином) способы возвышения, римская аристократия получала от них вполне реальные возможности для реализации своего политического и управленческого потенциала. Апогеем аристократической социальной мобильности первой половины IV в. стала административная реформа Константина I, увеличившая численность senatorской аристократии с 600 до 2000 человек. Впоследствии это позволило римским сенаторам не просто стать полноправными политическими акторами, а даже снова возводить своих кандидатов на императорский престол.

REFERENCES

- Alföldi, A. (1952). *A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. The Clash between Senate and Valentinian I*. Oxford: Clarendon Press.
- Alföldy, G. (2011). *Römische Sozialgeschichte*. Stuttgart: F. Steiner Verlag.
- Arnheim, M. T. W. (1972). *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press.
- Barnes, T. D. (1975). «Patricii» under Valentinian III. *Phoenix*, 29, 2, 155–170.
- Barnes, T. D. (1974). Who Were the Nobility of the Roman Empire? *Phoenix*, 28, 4, 444–449.
- Barnish, S. J. B. (1988). Transformation and Survival in the Western Senatorial Aristocracy, c. A.D. 400–700. *Papers of the British School at Rome*, 56, 120–155.
- Brown, P. (2017). Pozdniaia antichnost' [Late Antiquity]. In P. Veyne (Ed.), *Istoriia chastnoi zhizni* [History of Private Life] (Vol. 1, pp. 269–336). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Cameron, Av., & Garnsey, P. (Eds.). (2008). *The Cambridge Ancient History* (Vol. 12). Cambridge: Cambridge University Press.
- Cameron, Av., & Hall, S. G. (Eds.). (1999). *Eusebius. Life of Constantine*. Oxford: Clarendon Press.
- Dufraigne, P. (Ed.). (1975). *Aurelius Victor. Livre des Césars*. Paris: Les Belles Lettres.
- Duncan-Jones, R. (2016). *Power and Privilege in Roman Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hächler, N. (2019). *Kontinuität und Wandel des Senatorenstandes im Zeitalter der Soldatenkaiser. Prosopographische Untersuchungen zu Zusammensetzung, Funktion und Bedeutung des amplissimus ordo zwischen 235–284 n. Chr.* Leiden; Boston: Brill.
- Jones, A. H. M., Martindale, J. R., & Morris, J. (1971). *The Prosopography of the Later Roman Empire* (Vol. I: AD 260–395). Cambridge: Cambridge University Press.
- Mendelssohn, L. (Ed.). (1887). *Zosimi Comitis et Exadvocati Fisci Historia Nova*. Lipsiae: B. G. Teubner.
- Mennen, I. (2011). *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden; Boston: Brill.
- Mommsen, Th. (Ed.). (1876–). *Corpus Inscriptionum Latinarum* (Vol. VI). Berlin: Apud Weidmannos.
- Mommsen, Th., & Meyer, P. M. (Eds.). (1954). *Theodosiani Libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges Novellae ad Theodosianum pertinentes*. Berolini: Apud Weidmannos.
- Ridley, R. T. (Ed.). (1982). *Zosimus. New History*. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies.
- Shabaga, I. Yu. (Ed.). (2016). *Latinskie panegiriki* [Latin Panegyrics]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke.
- Schlinkert, D. (1996). *Ordo Senatorius und Nobilitas: die Konstitution des Senatsadels in der Spätantike; Mit einem Appendix über den Praepositus Sacri Cubiculi, den 'Allmächtigen' Eunuchen am Kaiserlichen Hof*. Stuttgart: Steiner.

Социальная мобильность в среде римской сенаторской аристократии

Städele, A. (Ed.). (2003). *Laktanz. De Mortibus Persecutorum / Die Todesarten der Verfolger*. Turnhout: Brepols.

Talbert, R. J. A. (1984). *The Senate of Imperial Rome*. Princeton: Princeton University Press.

Watson, A. (Ed.). (1998). *The Digest of Justinian* (Vol. 1). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Зайцева Евгения Сергеевна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
истории Древнего мира и Средних
веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: zajceva-evgeniya@list.ru

Zaitseva, Evgeniya Sergeevna

PhD (History), Senior Lecturer
Ancient and Medieval History
Department

Ural Federal University
51 Lenin Ave, Ekaterinburg, 620000,
Russia

Email: zajceva-evgeniya@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7627-8832>
Scopus AuthorID: 57267376800
WoS ResearcherID: AAP-5263-2021